

Цзывэй в этот момент походила на У Мэньцян, у которой только что умер муж: она совершенно потеряла рассудок и даже не думала о том, с чего бы простому простолюдину Лю Цюну знать людей из императорского дворца.

— Я не знаю никаких евнухов или нянек. Зато я знаю Императора и нескольких принцев! Мало того, я с самим Императором беседовал и в шахматы играл, а с принцами боевыми искусствами мерялся!

Цзывэй хлопала большими распахнутыми глазами, из которых градом катились слезы. Во всем виновата она, погубившая Сяо Яньцзы! Если бы не её упрямое стремление обрести отца, с Сяо Яньцзы ничего бы не случилось.

Лю Хун дернула брата за рукав, давая понять, чтобы он замолчал: разве он не видит, что Цзывэй уже выплакала все глаза? Но Лю Цюна сейчас мало волновало чужое горе — он кипел от гнева.

— Сяо Яньцзы раньше хоть и вечно ввязывалась в неприятности, но всегда советовалась с нами, прежде чем что-то сделать. Стоило ей признать в тебе сестру, как она тут же стала вести себя скрытно и загадочно! Вы ведь собрались штурмовать императорский зверинец, неужели нельзя было хотя бы словом обмолвиться с нами? Мы бы по крайней мере смогли вам помочь! А в итоге вы обошлись с нами как с чужаками. Просто до смерти меня разозлили!

Лю Цюн вовсе не собирался по-настоящему обвинять Цзывэй и Цзиньсо. Он знал, что на долю этих двоих выпало немало тайн, и не стал бы вымещать злость на хрупких девушках. Он злился лишь на то, что Цзывэй не считает их своими и позволила Сяо Яньцзы в одиночку броситься в пасть опасности. И он, и Лю Хун владеют боевыми искусствами — если бы они прикрывали друг друга, Сяо Яньцзы, возможно, и не пропала бы.

— Это всё моя вина... Я была опрометчива, у меня не было плана, и я погубила Сяо Яньцзы! Но она была так уверена в себе, говорила, что выросла в зверинце и знает там каждый уголок...

— Ты же знаешь, как Сяо Яньцзы любит похвастаться, — в сердце Лю Хун тоже клокотало возмущение. — Смелая, но безрассудная, отважная, но бестолковая! Вы ведь с ней побратимые сестры, неужели ты даже этого не знала?

Знаете? Разве Цзывэй не знала? Но она слишком глубоко увязла в пучине поисков отца. Когда Сяо Яньцзы пообещала помочь ей обрести отца, Цзывэй поверила ей ни секунды не колеблясь.

— Не смейте так говорить о нашей госпоже! Вы сами-то! Разве Сяо Яньцзы не заставляла вас лгать, когда ей нужно было, и выступать на улице с балаганными трюками? — Цзиньсо встала на защиту хозяйки.

Лю Цюн как раз собирался с ней поспорить, как вдруг увидел бегущего к ним Сяохуцзы.

— Братец Лю Цюн, сестрица Лю Хун! У ворот Трущоб какой-то старший брат говорит, что ищет сестрицу Цзывэй!

У входа в Трущобы стояла фигура, привлекающая всеобщее внимание. Стройный, с благородной осанкой и прекрасным лицом — это был не кто иной, как Фу Эркан.

— Эй, ты еще кто такой? — мысленно изумился Лю Цюн. Он впервые видел мужчину с таким необыкновенным аристократическим лоском, судя по всему, какого-то молодого господина из богатой семьи. Впрочем, сам Лю Цюн внешне тоже не уступал. При этой мысли он расправил плечи еще горше.

Фу Эркан вежливо сложил руки в приветственном жесте:

— Я — императорский телохранитель, старший сын господина Фу Луня, Фу Эркан. Позвольте спросить, здесь ли проживает барышня Цзывэй?

Лю Цюн внутренне напрягся: неужели и впрямь человек из дворца? Но услышав, что тот разыскивает Цзывэй, он насторожился еще сильнее:

— И зачем же благородному господину понадобилась Цзывэй? Прошу прощения, но о местонахождении молодой девушки этот простолюдин распространяться не намерен.

В этих Трущобах жили одни старики, женщины да дети. У Цзывэй особое положение, а Сяо Яньцзы пропала без вести — он не смел рисковать жизнями всех обитателей ради сомнительных знакомств.

Видя такую реакцию, Фу Эркан вовсе не рассердился:

— Это я веду себя излишне прямолинейно. Умоляю вас, передайте весточку: письмо и свитки с живописью от барышни Цзывэй благополучно дошли до адресата.

Лю Цюн почувствовал себя так, будто свалился с луны, но всё же послушался.

— Прошу вас, господин Фу, заходите, — расспросив предварительно Цзывэй, Лю Цюн провел Фу Эркана вовнутрь.

Сердце Цзывэй сжалось в комок. Император получил свитки и складной веер, да еще прислал человека из императорской стражи — значит ли это, что он готов признать её своей дочерью?

— Простолюдинка Цзывэй приветствует господина Фу! — увидев, как Лю Цюн вводит молодого мужчину, Цзывэй торопливо потянула Цзиньсо за собой на коленки.

— Барышни, скорее встаньте, как я могу принять столь великий поклон! — Фу Эркин поспешно шагнул вперед, поднимая их. Присмотревшись, он заметил, что, несмотря на скромные одежды, девушка обладает несравненной красотой. Её лицо напоминало первые лучи утреннего солнца — теплое и нежное. Во взгляде таилась чистая, невинная наивность, заставляющая инстинктивно защищать её и тянуться ближе.

Всего одного мгновения хватило, чтобы в давно затихшем сердце Фу Эркина затрепетало сильное чувство.

— Господин Фу, я слышала, вы поймали в зверинце девушку-убийцу... Скажите, где она сейчас? — Цзывэй с трудом сдерживала кислую горечь, подступавшую к горлу, ей снова хотелось плакать.

— Барышня Цзывэй, не стоит так тревожиться. Вы, должно быть, говорите о барышне Сяо Яньцзы? — увидев, как Цзывэй закивала, точно цыплёнок, клюющий зерна, Фу Эркин продолжил: — Барышня Сяо Яньцзы рисковала жизнью, доставляя весточку, и получила легкие ранения. Сейчас за ней ухаживают во дворце.

— Что?! Сяо Яньцзы ранена?! Насколько тяжелы ее раны? Есть ли угроза ее жизни? — большие глаза Цзывэй мгновенно наполнились слезами, а голос задрожал, срываясь на плач.

— Барышня Цзывэй, успокойтесь, с барышней Сяо Яньцзы всё в полном порядке. Обе реликвии уже давно у Императора. Именно по высочайшему повелению Его Величества я прибыл сюда, чтобы лично известить вас.

Заметив красные от слез глаза девушки, Фу Эркин почувствовал укол жалости и тут же пожалел, что сболтнул про ранение Сяо Яньцзы.

— Значит, наша госпожа совсем скоро сможет войти во дворец и признать отца? — радостно воскликнула стоявшая рядом Цзиньсо.

Цзывэй тоже засияла надеждой, ее огромные глаза лучились упованием.

— Барышня Цзывэй, и Император, и Императрица придают этому делу огромное значение. Я верю, что в самые сжатые сроки ваши заветные желания исполнятся.

Говорил Фу Эркин с абсолютной уверенностью — сам он не понимал, почему так твердо убежден, что стоящая перед ним девушка и впрямь приходится Императору дочерью. Наверное, всё дело было во взгляде: такой чистый взгляд не умел лгать.

Уже после ухода Фу Эркина Цзывэй обняла Цзиньсо, и служанка с госпожой горько расплакались в объятиях друг друга. Столько испытаний выпало на их долю на этом долгом пути! И вот теперь Сяо Яньцзы в безопасности, а сама она совсем скоро вернется к своим

корням. Матушка, ты видишь? Цзывэй смогла!

С тех пор как раны Сяо Яньцзы затянулись настолько, что она могла двигаться, Императрица, сославшись на то, что Консорт Лин и без того занята заботами о седьмой и девятой принцессах, испросила у Цяньлуна разрешение перевести Сяо Яньцзы из Дворца Яньсигун во Дворец Куннингун.

Консорт Лин, разумеется, возражать не стала. Сперва она рассчитывала завязать с Сяо Яньцзы хорошие отношения и тем самым заручиться благосклонностью этой «народной принцессы», но девчонка оказалась до того неумной и взбалмошной, что Консорт Лин была лишь рада избавиться от неё и передать Императрице.

Что же до Цяньлуна, то его мысли давно унеслись к берегам озера Даминху, и он лишь ждал скорейшего возвращения Фу Линъань.

Тем временем Императрица отвела для Сяо Яньцзы боковой павильон во Дворце Куннингун, выделив ей в услужение няньку Жун и двух своих самых расторопных старших служанок.

Нянька Жун поначалу выражала крайнее недовольство перспективой прислуживать какой-то дикой девчонке, но стоило Императрице бросить на нее суровый взгляд, как той пришлось смириться со своей участью. На душе у няньки скребли кошки, но высказать жалость к себе она не смела.

Сама же Сяо Яньцзы не предавалась долгим раздумьям. Дворец Куннингун казался ей еще краше Дворца Яньсигун, да и Императрица относилась к ней с необыкновенной нежностью. А уж до чего роскошным был императорский быт — такого Сяо Яньцзы и вообразить не могла! Простой обед состоял из двадцати четырех блюд, то, что не съедали, шло на корм свиньям, бобами здесь мылись вместо мыла, в ноздри затыкали крупные финики, а хуже всего было то, что даже ее собственное «гнездышко» казалось съедобным!

Если не считать излишне суровой няньки Жун, Сяо Яньцзы искренне полагала, что жизнь во дворце — это райское существование, достойное небожителей.

— Императрица, почему вы так добры ко мне? — с недоумением во взоре вопрошала Сяо Яньцзы, наблюдая, как Императрица вновь и вновь подкладывает ей лучшие кусочки.

Императрица ведь относилась к ней с такой лаской, с такой заботой! А ведь она вовсе не императорская дочь — она всего лишь маленькая ласточка, случайно залетевшая из Трущоб в самое сердце дворца.

Императрица встретила взглядом с наивным, полным непонимания детским личиком и

ощутила умиление.

— Сяо Яньцзы, впервые увидев тебя, я почувствовала какое-то особенное родство. Словно ты — драгоценный подарок, ниспосланный мне небесами.

— Правда, Императрица? Вы тоже находите, что я ужасно милая и всем нравлюсь? Матушка Сунь из Трущоб и маленький Сяохуцзы тоже без ума от меня!

Сяо Яньцзы была счастлива. Ей тоже казалось, что Императрица бесконечно близкая и родная.

— Конечно, Сяо Яньцзы. Я считаю тебя самой храброй девушкой из всех, кого я встречала. Ты совсем не похожа на здешних принцев и принцесс.

Вспоминая прошлую жизнь, Императрица понимала: поначалу она вовсе не питала ненависти к этой девчонке. Просто Сяо Яньцзы раз за разом творила безумства, а Император неизменно ее покрывал. Слово за слово, и в итоге Императрица приложила немало усилий, чтобы вставлять палки в колеса и Сяо Яньцзы, и Цзывэй.

Глядя на эту сияющую, полную жизненных сил девушку перед собой, Императрица наконец осознала, почему в прошлом и Император, и Пятый принц, и даже этот иностранец Бэньцземин потеряли от нее головы. Прожив жизнь заново, она твердо решила защитить Сяо Яньцзы, позволив этой ласточке свободно и безмятежно парить в небесах.

— Оказывается, вы тоже так думаете, Императрица! Вы же не знаете, я ведь Сяо Яньцзы — благородная воительница! Конечно же, я самая-самая храбрая!

— Да-да, воительница Сяо Яньцзы, ешь побольше. Только набравшись сил, можно продолжать творить добрые дела и защищать слабых.

Императрица с материнской нежностью погладила пушистую макушку Сяо Яньцзы.

Лицо Сяо Яньцзы порозовело, она с легким смущением продолжила уплетать рис из пиалы, но на душе у нее было сладко, будто она наелась меда.

Они трапезничали, весело переговариваясь и смеясь, в то время как стоявшей в стороне няньке Жун казалось, что небеса рушатся на землю. Происходило нечто невероятное: неужели ее госпожу кто-то подменил или вселился в ее тело?!

Раньше Императрица ставила правила превыше всего — не говорить во время еды, не разговаривать лежа или засыпая. С чего бы ей сегодня так непринужденно щебетать за столом с этой девчонкой и то и дело подкладывать ей еду в чашку? Даже двенадцатый принц никогда не удостоивался подобных почестей!

Вечером, укладывая Императрицу спать, нянька Жун не выдержала:

— Императрица, почему вы так благосклонны к этой девчонке Сяо Яньцзы?

Вопрос няньки слово в слово повторил утренний вопрос самой Сяо Яньцзы. Императрица вздохнула. Если подумать, нянька Жун сопровождала ее уже почти сорок лет, и отделаться от нее дежурными отговорками было невозможно.

— Нянька, доводилось ли тебе слышать о перерождении душ?

Нянька Жун испуганно ахнула и торопливо огляделась по сторонам. Убедившись, что вокруг ни души, она немного успокоилась:

— Императрица, выбирайте выражения! Давайте будем считать, что старая служанка ничего не спрашивала. Вы, должно быть, так устали, что заговариваетесь от усталости.

Видя такую реакцию, Императрица почувствовала тепло в груди. Если бы не её собственное ослепление в прошлом, разве стала бы преданная нянька в свои шестьдесят с лишним разделять с ней все тяготы и даже покончить с собой после ее смерти?

— Нянька Жун, я не бьюсь в бреду... — Императрица привлекла няньку ближе и в деталях поведала о тех глупостях, которые натворила в прошлой жизни. — Я совершила слишком много ошибок, обидела двух замечательных девочек — Цзывэй и Сяо Яньцзы. Спасибо небесам за милосердие: проснувшись однажды утром, я поняла, что вернулась в тот самый день, когда Сяо Яньцзы только появилась во дворце.

— Неудивительно... — Неудивительно, почему в те дни Императрица, проснувшись после дневного сна, вдруг принялась ощупывать ее со всех сторон, испуганная, не померла ли и та тоже, и расспрашивала про Сяо Яньцзы. Тогда нянька думала, что госпоже приснился кошмар, и вообразить не могла, что выпало на долю ее хозяйки.

Испытывая облегчение, нянька Жун в то же время преисполнилась глубочайшего трогательного трепета. Вера в духов и потусторонние силы издавна находилась под строжайшим запретом в династии Цин. Если бы об этом стало известно, даже мать государства не смогла бы себя спасти — а значит, Императрица действительно считает ее самым близким человеком.

Нянька Жун смахнула рукавом слезы:

— Моя госпожа! О том, что произошло сегодня, никому и никогда нельзя пробалтываться. Старая служанка будет считать всё это долгим сном, и давайте больше никогда об этом не вспоминать.

Императрица тоже растрогалась до глубины души. Глядя на постаревшую няньку Жун, она мысленно поклялась себе: пока она жива, она защитит няньку от любых невзгод.

Нянька Жун страдала бессонницей.

За окном уже рассвело, а она всё ворочалась на постели. Как могла она быть столь жестокой, чтобы колоть иголками нежные пальчики молодой девушки? Раскаиваясь в душе, нянька Жун решила искупить вину поступками.

С некоторых пор Сяо Яньцзы заметила, что с нянькой Жун творится что-то неладное. Та стала невероятно услужливой и мягкой, больше не зудела над ухом: барышня Сяо Яньцзы, так поступать не положено по правилам, во время еды не говорят!

Для Сяо Яньцзы это было непривычно до ужаса. Когда нянька Жун в сто восьмой раз одарила ее кроткой, благожелательной улыбкой, терпение девушки лопнуло:

— Нянька Жун, умоляю, перестаньте на меня так улыбаться... От этого жутковато знаете ли!

Нянька Жун была смертельно обижена. Говорите, ее улыбка наводит жуть? Разве люди не должны чувствовать себя так, будто их овеяло весенним ветерком? Нянька ощутила горькую обиду, скривила губы, а в глазах застыло такое скорбное выражение, что стало еще жутковатее.

— Ну... нянька Жун, Сяо Яньцзы сболтнула лишнего, не принимайте близко к сердцу! Лучше испеките мне те самые пирожные, помните? Императрица разрешила мне завтра выбраться из дворца, съездить в Трущобы навестить Цзывэй и остальных. Ваши пирожные самые вкусные на свете, я хочу взять их с собой для них.

— Сию минуту, барышня, старая служанка мигом всё сделает! — не дожидаясь окончания фразы, нянька Жун слохнулась с места и вихрем полетела на малую кухню. Раз уж Цзывэй тоже предстоит отведать угощение, она месила тесто с таким усердием, какого не проявляла давным-давно.

Двадцатый день четвертого лунного месяца выдался на редкость ясным и погожим — идеальный день для выхода в город.

Предвкушая скорую встречу с Цзывэй, Лю Цюном и Лю Хун, Сяо Яньцзы проворочалась без сна всю ночь и наутро явилась приветствовать Императрицу с отчетливыми кругами панды под глазами.

— Приветствую Императрицу! — Сяо Яньцзы чинно, по всем правилам отвесила поклон. Хотя еще вчера ей донесли, что Сяо Яньцзы усердно брала уроки придворного этикета у Чуньюй, Императрица не придавала этому особого значения, но теперь этот сюрприз превзошел все ожидания. Вспоминая прошлую жизнь, сколько же нервов и сил стоило им с нянькой Жун обучить эту непоседу манерам!

— Дитя мое, поднимайся скорее. На тебе ведь еще не зажили раны, не стоит утруждать себя лишними церемониями.

Императрица поспешно велела няньке Жун поднять девушку.

— Императрица, Сяо Яньцзы знает, как вы добры ко мне. Но я ничегошеньки не умею и не хочу доставлять вам хлопот.

— Какая же ты заботливая девочка, — Императрица похлопала ее по руке. — Отправляясь сегодня за пределы дворца, не забудь взять с собой Чуньюй и Манчжун. Обе служанки владеют боевыми искусствами, с ними я буду спокойна за тебя.

— Сяо Яньцзы премного благодарна Императрице! — сердце девушки сжалось от переполнявших ее чувств. Мало того, что Императрица отпустила с ней своих личных старших служанок, так еще и приготовила целую гору подарков для обитателей Трущоб, где нашлось всё — от гостинцев для матушки Сунь до памятных вещиц для маленького Сяохуцзы.

— Ну надо же, ты снова плачешь, — Императрица торопливо поднесла шелковый платок, чтобы вытереть слезы с лица Сяо Яньцзы.

— Ой-ёй-ёй, Императрица, просто мне так не хочется с вами расставаться... — Сяо Яньцзы с самого детства росла без матери. И хотя обитатели Трущоб относились к ней прекрасно, Императрица излучала такое тепло... Будь у нее собственная матушка, она наверняка была бы такой же нежной!

Императрица ласково прижала к себе девушку:

— Если так не хочется со мной расставаться, почаще навещай меня во дворце, договорились?

— Мгм-мгм! — Сяо Яньцзы яростно закивала. В конце концов, Цзывэй всё равно собиралась во дворец, а они с ней такие близкие подруги — неужели та запретит ей навещать Императрицу?

— Ну всё, время не ждет. Чуньюй, Манчжун, сопровождайте барышню за ворота и возвращайтесь засветло.

Покинув Дворец Куннингун, Сяо Яньцзы сперва немного погрустнела, но стоило ей очутиться в новой, яркой обстановке, как она тут же превратилась в спущенную с привязи утку —

заскакала во все стороны, то и дело нагибаясь, чтобы потрогать или рассмотреть очередной куст или статую. Последние дни она провела либо лежа, либо сидя на кровати, да и Императрица не разрешала ей покидать пределы Дворца Куннингун. Сегодня же Сяо Яньцзы почувствовала себя диким жеребцом, сорвавшимся с удил. Чуньюй и Манчжун не смели расслабиться ни на секунду, смертельно боясь, что их подопечная по неосторожности заденет кого-то из высокопоставленных особ.

— Ой, Чуньюй, Манчжун, скорее сюда! Посмотрите на этих каменных львов, какие же они огромные! — восторженно завопила Сяо Яньцзы, подбегая к скульптуре и принимаясь гладить гранитную лапу, при этом бормоча под нос: — Погладишь львиную голову — не познаешь бед отныне и впредь; погладишь львиный круп — ни за что не заболеешь! Скорее сюда, Чуньюй, Манчжун, давайте вместе погладим!

Она попыталась схватить девушек за руки, но в обеих ладонях у служанок было по тяжелой корзинке с подарками, так что Сяо Яньцзы пришлось отступить.

— Ой, яйца! Сколько же здесь яиц! Они выложены узором в виде цветов и птиц! — внимание Сяо Яньцзы мгновенно переключилось. Она вприпрыжку понеслась вперед, полностью выбросив из головы все наставления Императрицы и няньки Жун.

— Барышня, помедленнее! Ваши раны ведь еще не зажили! — Сяо Яньцзы мчалась впереди так резво, что мгновенно оставила Чуньюй и Манчжун далеко позади.

И тут случилось именно то, чего они так опасались.

— Ай!

Цзи Чжичэн как раз оживленно беседовал на ходу с Юнци и Бэньцземином, как вдруг из ниоткуда выскочила растерянная девчонка и врезалась прямо в него. Удар вышел на славу, да так, что заныли ребра — сила у этой девицы оказалась нешуточной!

Что и говорить, когда человеку не везет, он может вылететь прочь от столкновения даже среди бела дня на ровной дороге. Цзи Чжичэн потерял ушибленное плечо и увидел, как виновница столкновения отлетела назад и, отчаянно балансируя руками, едва не рухнула на землю.

Сяо Яньцзы от удара тоже опешила. Кое-как удержав равновесие, она открыла глаза и уставилась на противников: перед ней стоял какой-то иностранец, тот самый лучник, что подстрелил ее в зверинце, и еще один незнакомец.

— Вы что, ходите по сторонам не глядя?! Чуть с ног меня не сбили! — Сяо Яньцзы решила атаковать первой.

— Послушай-ка, какая забавная девица! Я — не глядя? Дорога вон какая широкая, мало тебе

мест, что ли, чего ты именно в мои объятия летела? — Цзи Чжичэн ехидно ухмыльнулся, его лицо выражало форменное издевательство.

— Да ты... ты... вонючий сопляк! Кто это по тебе сохнет? Небось еще зеркала дома не видел, с чего мне по тебе сохнуть, я что, ослепла, по-твоему?

— Пфф... — Бэньцземин не удержался и прыснул со смеху.

— Ты, иностранец, чего скалишься? Смешно тебе, да? — Сяо Яньцзы уперла руки в боки и подступила к Бэньцземину, высоко задрав подбородок, словно задиристый боевой петух.

— Верно, Чжичэн, Бэньцземин, ну-ка быстро извинитесь перед барышней, — с напускным весельем вмешался Юнци, пытаясь сгладить углы.

— А ты! Заткнись! Ты — хуже всех! Твоя вина тут самая большая! Да если бы ты не вlepил мне стрелу прямо в плечо, разве пролежала бы я столько дней прикованной к постели? Ты знаешь, что я чуть было не превратилась в мертвую ласточку?! — Сяо Яньцзы перевела яростный взгляд на Юнци.

— Прошу прощения... тогда я думал, что в кустах прячется олень, и по ошибке ранил вас. Не беспокойтесь, в следующий раз я уж точно в вас не попаду, — виновато проговорил Юнци. Узнав, что жизнь Сяо Яньцзы висела на волоске, он долго терзался угрызениями совести, и был искренне рад видеть ее живой.

— В следующий раз?! Ты еще и следующий раз планируй?! Если бы не моя счастливая звезда, я бы уже беседовала с Буддой! И вообще, чем я похожа на оленя? У меня что, оленья голова? Или оленьи рога? Или, может, олений хвост?!

Цзи Чжичэн с умилением наблюдал за ее суетой и не смог сдержать улыбки:

— На оленя барышня и вправду ни капельки не похожа. Разве что ушки... ушки у вас самую малость выдают сходство.

— Чего?! — Сяо Яньцзы остолбенела. К чему он вообще клонит?

— Пятый принц, благородный господин Цзи, живописец Бэньцзе! — Чуньюй и Манчжун наконец нагнали беглянку. Ситуация, похоже, складывалась сквернее некуда. Обе служанки обреченно подумали, что по возвращении во дворец наказания им не миновать.

— Чуньюй, Манчжун, наконец-то вы подросли! Пойдемте скорее, нас ждет Цзывэй!

— Эй, барышня, погодите-ка! Вы же врезались в человека и даже не извинились толком, куда

это собрались? — издевательски ухмыляясь, Цзи Чжичэн снова заступил ей дорогу.

— Не загораживай мне путь, я ухожу! — Сяо Яньцзы оттолкнула его плечом и, схватив Чуньюй и Манчжун за руки, быстрыми шагами двинулась дальше.

<http://bllate.org/book/22028/2290200>